

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

УДК 331.5

О. В. Вередюк

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ: СТРУКТУРА И ФАКТОРЫ РИСКА В РОССИИ*

Неформальная занятость — активно обсуждаемая в разных контекстах проблема рынка труда. На основе анализа микроданных по индивидам в статье дана оценка вероятности нахождения в состоянии неформальной занятости в зависимости от ряда характеристик (факторов риска). Результаты регрессионного анализа показывают, что риски оказаться в неформальной занятости распределены среди занятых неравномерно. Установлены систематические (устойчивые) отличия между группами неформально и формально занятых. Базой для исследования стали данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE) за 2009 и 2014 гг. Эти периоды охватывают пиковую фазу проявления мирового экономического кризиса на рынке труда в России и фазу разворачивания новой финансово-экономической нестабильности. На основе обзора доступных публикаций выявлены и обобщены ключевые методологические проблемы анализа неформальной занятости. Показано, что решение индивида о неформальной занятости не всегда имеет добровольный характер. Сделаны выводы о необходимости принимать во внимание неоднородность неформальной группы при проведении мер по регулированию неформальной занятости. Библиогр. 18. Ил. 2. Табл. 3.

Ключевые слова: неформальная занятость, занятость в неформальном секторе, Россия, риски, кризис, RLMS-HSE, рынок труда, регрессионный анализ.

Olesya V. Veredyuk

INFORMAL EMPLOYMENT: STRUCTURE AND RISK DETERMINANTS IN RUSSIA

The article addresses the issue of risks to be in informal employment in Russia. To estimate them regression analysis was run on the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE) micro-data on individuals. Periods of 2009 and 2014 were taken for reference as periods when the economic crisis reached its peak in the labour market in Russia and a new financial and economic instability unfolding began respectively. The results obtained show the risks of being in informal employment to be distrib-

Олеся Васильевна ВЕРЕДЮК — доцент, канд. экон. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; o.veredyuk@spbu.ru

Olesya V. VEREDYUK — PhD in Economics, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; o.veredyuk@spbu.ru

* Статья подготовлена в Лаборатории исследования экономического роста СПбГУ. Результаты проведенного анализа были использованы при подготовке выступления на III Международной научно-практической конференции «Устойчивое развитие: общество и экономика» (Санкт-Петербург, 20–23 апреля 2016 г.).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

uted unevenly among the employed individuals. In addition, a systematic (stable) differences between the groups of informally and formally employed were found. It was also proved that an individual's decision on informal employment is not always voluntary but on the contrary appears to be forced in many cases. The concluding remarks in the article address policy makers and highlight a need to take into account heterogeneity of the groups of informally employed when pursuing a policy. Refs. 18. Fig. 2. Tables 3.

Keywords: informal employment, employment in informal sector, Russia, risks, crisis, RLMS-HSE, labour market, regression analysis.

Введение

К неформальной занятости обращаются практики и теоретики во всем мире, изучая источники и причины таких явлений, как низкое качество экономического роста; недостаточно высокая степень экономической безопасности страны; снижение социальной защищенности работников; рост неравенства и бедности; гибкость рынка труда в условиях рецессии; сокращение доходов государства; распространение несправедливой конкуренции на международных рынках; понижение конкурентоспособности компаний¹ [Loayza, Rigolini, 2011; Стратегия национальной безопасности РФ]. О неформальной занятости говорят и в контексте анализа влияния современных мобильных технологий, таких как Avito и Uber, на рынок труда.

Оценки масштабов распространения неформальной занятости по странам разнятся. Общим является то, что неформальная занятость затрагивает занятое население в разной степени в каждой из стран. Исследование, результаты которого представлены в данной статье, посвящено оценке (не)равномерности распределения риска неформальности среди занятого населения в России.

Несмотря на активное использование концепции «неформальности» в международных исследованиях трудовых отношений с 1970-х годов², универсального понятия неформальной занятости не сформулировано. Вероятно, это просто не представляется возможным. Однако в рамках серии международных стандартов и рекомендаций можно выделить два концептуальных подхода к определению неформальной занятости. Их основным разработчиком является Международная организация труда (МОТ) — ключевой институт регулирования трудовых отношений на международном уровне. Первый подход основан на характеристиках *производственной единицы* (организации/предприятия)³, второй — на *видах работ или рабочего места*⁴. Строго говоря, в одном случае речь идет о *занятости в неформальном секторе*, а в другом — о *неформальной занятости*. Последняя трактовка неформальности часто рассматривается как более широкая. Статистически подтверждается, что неформальная занятость как явление распространено шире,

¹ См., напр.: МОТ (2015). Рекомендация 204 «О Переходе от неформальной к формальной экономике», Geneva, 104th ILC session. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_386779.pdf (дата обращения: 16.04.2016).

² Об эволюции теоретических представлений о неформальности на рынке труда см.: [Гимпельсон и Капелюшников, 2013; Williams, 2015].

³ ILO (1993). Resolution concerning statistics of employment in the informal sector adopted by the 15th ICLS, January 1993. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/normativeinstrument/wcms_087484.pdf (accessed: 20.07.2016).

⁴ ILO (2003). Guidelines concerning a statistical definition of informal employment adopted by the 17th ICLS, November 2003. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/normativeinstrument/wcms_087622.pdf (accessed: 20.07.2016).

чем занятость в неформальном секторе⁵. Если иное не оговаривается, то в данной статье с целью упрощения изложения использован термин «неформальная занятость» как более универсальный.

Какой бы из отмеченных подходов ни использовался, существенными классификационными признаками неформальности в трудовых отношениях являются их полное или частичное исключение из сфер: регулирования трудового законодательства; налогообложения; социальных прав и гарантий.

Неформальная занятость как явление характерно и для развивающихся, и для развитых экономик. Однако ввиду имеющихся особенностей для ее обозначения используются разные термины. Особенности неформальной занятости в развивающихся странах является то, что она, как правило, не относится к противозаконной производственной деятельности, т.е. деятельности, которая законодательно запрещена⁶. Неформальная занятость, часто обозначаемая как теневая, рассматривается в этих странах как стратегия адаптационного поведения участников на рынке труда, минимизирующая издержки приспособления к меняющимся условиям.

Оценки общих масштабов неформальной занятости в России в настоящее время варьируются в пределах от 20 до 30% занятых. Так, Минтруд к неформально занятым относит 18–20 млн человек⁷, что соответствует 27% от общей численности занятых в экономике. Росстат определяет количество занятых в неформальном секторе на уровне 15 млн человек, или 20% занятых⁸. В целом как официальная, так и альтернативная статистика (в нашем случае данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (далее — RLMS-HSE)⁹) выявляют тенденцию к росту неформальной занятости в экономике России¹⁰ (рис. 1 и далее в настоящей статье см. рис. 2).

При этом отдельного внимания требует высокая степень дифференциации регионов нашей страны по масштабам распространения неформальной занятости. Так, по доле занятости в неформальном секторе в общей занятости разрыв превышает 16 раз. Этот показатель ниже 10% в шести регионах, а в 14 — превышает 30%¹¹. В укрупненном срезе по федеральным округам (ФО) наихудшая ситуация по

⁵ Так, напр., в странах-членах БРИКС неформальная занятость и занятость в неформальном секторе в общей занятости составляют: в Бразилии (2003 г.) — 51 и 37%, в Индии (2004–2005 гг.) — 85 и 76%, ЮАР (2009 г.) — 32 и 17% соответственно (Источник: ILO (2013). *Measuring informality: a statistical manual on the informal sector and informal employment* / International Labour Office. Geneva: ILO, 2013. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_222979.pdf, p. 35 (accessed: 20.07.2016)).

⁶ Ibid., p. 46 (accessed: 20.07.2016).

⁷ URL: <http://www.rosmintrud.ru/social/social/299> (accessed: 28.07.2016).

⁸ Росстат: стат. сб. *Обследование рабочей силы*. М., 2016. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 (дата обращения: 28.07.2016).

⁹ URL: <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 09.05.2016).

¹⁰ Расчеты зарубежных исследователей [Schneider et al., 2010] показывают, что в период с 1999 по 2007 г. доля теневой экономики в ВВП России имела тенденцию к сокращению с 47 до 41% ВВП. С учетом противоположной тенденции к росту неформальной занятости в этот период (с 14 до 18% от общей занятости) это может означать снижение производительности труда в теневой экономике.

¹¹ Росстат: стат. сб. *Обследование населения по проблемам занятости*. М., 2015. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 (дата обращения: 28.07.2016).

данному показателю в 2015 г. наблюдалась в Северо-Кавказском и Крымском ФО, наиболее благоприятная — в Центральном и Северо-Западном.

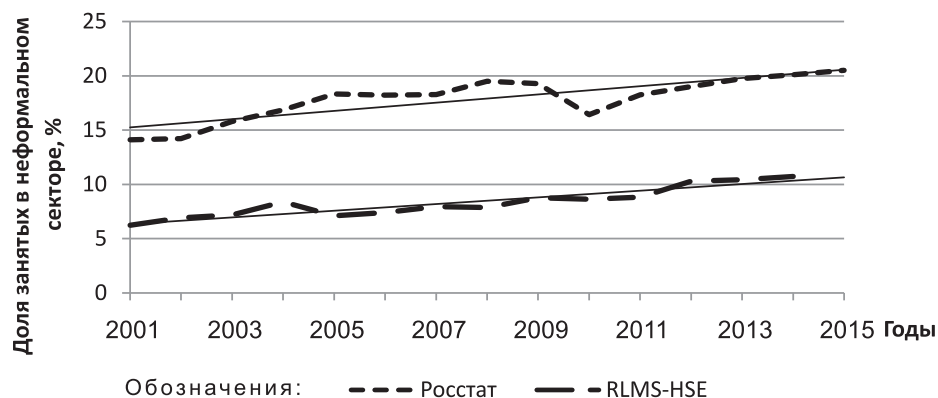

Рис. 1. Доля занятых в неформальном секторе в общей численности занятых, Россия, %

Источники: Росстат: стат. сб. *Обследование населения по проблемам занятости*, 2001–2015. URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 (дата обращения: 28.07.2016); RLMS-HSE 2001–2014. URL: www.hse.ru/rlms/ (дата обращения: 09.05.2016).

Неформальная занятость часто ассоциируется с отклонениями от формата «стандартных» трудовых отношений, а именно от работы в режиме полного рабочего дня на основе бессрочного трудового договора в организации и под руководством работодателя. С этим связан целый комплекс *негативных эффектов*. Для работника они могут проявляться в следующем: а) снижении определенности в трудовых отношениях; б) нерегулярности оплаты труда и ее уменьшении; в) росте социальной незащищенности (например, сниженные гарантии по ежегодному оплачиваемому отпуску, денежным выплатам при увольнении в случае сокращения штата сотрудников, оплате больничных листов, медицинского и пенсионного страхования, а также отсутствие заблаговременного уведомления об увольнении и т. д.); г) повышении риска безработицы. Работодателя неформальная занятость лишает мотивационных механизмов влияния на работника, подрывает лояльность работников, не способствует повышению долгосрочной конкурентоспособности предприятия. Негативные социально-экономические последствия от неформальной занятости для государства связаны с сокращением отчислений с заработной платы в бюджет и во внебюджетные социальные фонды¹², ростом дифференциации доходов населения и проч.

Однако существование неформальной занятости имеет и *положительные эффекты*. Так, по мнению ряда исследователей, она является порой единственной альтернативой безработицы, источником дохода граждан, а иногда и местом их наиболее эффективной самореализации. Для предприятий неформальная заня-

¹² По оценкам Минтруда РФ, потери Пенсионного фонда и Фонда социального страхования составляют порядка 500 млрд руб. URL: <http://www.rosmintrud.ru/social/social/299> (дата обращения: 28.07.2016).

тость — это возможность минимизировать затраты на труд и, как результат, получить временное преимущество перед конкурентами на рынке. Для государства неформальная занятость может рассматриваться как буфер при неблагоприятно складывающейся ситуации на рынке труда и неэффективности мер социальной защиты.

Показатели распространенности неформальной занятости в России, в том числе приведенные в настоящей работе, свидетельствуют о том, что, несмотря на большие масштабы, это явление касается все-таки меньшинства занятого населения. Однако с учетом отмеченного комплекса эффектов (как отрицательных, так и положительных) еще более актуальным представляется вопрос о наличии специфических факторов риска оказаться в состоянии неформальной занятости в России.

Новизна и цель исследования заключаются в оценке вероятности оказаться в состоянии неформальной занятости в России на основе анализа микроданных по индивидам для проверки гипотезы о наличии специфических факторов риска. Для этого сначала проведен обзор основных публикаций по данной проблематике: во-первых, на предмет выявления критериев отбора индивидов для включения в группу неформально занятых; во-вторых, для определения возможных факторов риска оказаться в состоянии неформальной занятости; в-третьих, для характеристики того, что обуславливает выбор индивидом данного типа занятости и насколько этот выбор добровольен. Далее показан ряд устойчивых различий между группами формально и неформально занятых, после чего раскрыта методика и приведены результаты авторского исследования степени риска оказаться в состоянии неформальной занятости. Статья завершается рекомендациями относительно политики регулирования неформальной занятости.

1. Обзор основных публикаций

Оценка рисков распределения неформальной занятости сопряжена с рядом методологических проблем. *Первая* из них и, пожалуй, основная связана с размытостью границ самого явления неформальной занятости и, как следствие, с множественностью признаков и критериев его определения, о чем было сказано выше. Это усложняет задачу идентификации групп(ы) неформально занятых. В качестве критериев для включения в группу неформально занятых в разных исследованиях предлагаются, например, такие: отсутствие социальных гарантий [Ben Salem, Bensidoun, 2012], работа в нелегальной сфере [Nureev, Akhmadeev, 2015], отсутствие официального оформления на работе [Аистов и др., 2012; Commander et al., 2013], работа на микропредприятиях [Perry et al., 2007; Commander et al., 2013; Khamis, 2009], работа без письменного трудового соглашения или в компании, не ведущей бухучета [Guenther, Launov, 2012], самозанятость или работа на микропредприятиях с численностью сотрудников менее пяти человек [Fiess et al., 2010], самозанятость [Loayza, Rigolini, 2011].

При официальном определении неформальной занятости Росстат применяет два подхода, выделяя, таким образом, две группы лиц. Одна из этих групп — *занятые в неформальном секторе*. Критерием в этом случае служит работа (основная или дополнительная) в производственной единице, осуществляющей деятельность рыночного характера без государственной регистрации в качестве юридического

лица, независимо от численности работников. Таким образом, Росстат использует упомянутый ранее подход МОТ, основанный на характеристиках *организации/предприятия*. Занятыми в неформальном секторе считаются те, кто:

- занимается предпринимательской деятельностью или имеет частную практику;
- работает в крестьянских (фермерских) хозяйствах;
- работает по найму у тех, кто занимается предпринимательской деятельностью;
- занят в домашнем хозяйстве производством товаров или услуг не для собственного потребления¹³.

При этом в численность занятых в неформальном секторе экономики Росстат не включает тех, кто работает в зарегистрированных организациях/предприятиях, но без официального оформления трудовых отношений (т.е. на основе устной договоренности). Оценки доли занятых в неформальном секторе приведены на рис. 1.

Другую группу занятых, определяемую Росстатом, о которой можно говорить в контексте неформальной занятости, составляют *работающие на основе устной договоренности без оформления документов*. Это, по сути, согласуется со вторым подходом МОТ, который базируется на характеристиках *работы/рабочего места*. В его рамках идентифицируется группа *неформально занятых*. Оценки доли этой группы в общей численности занятых представлены на рис. 2.

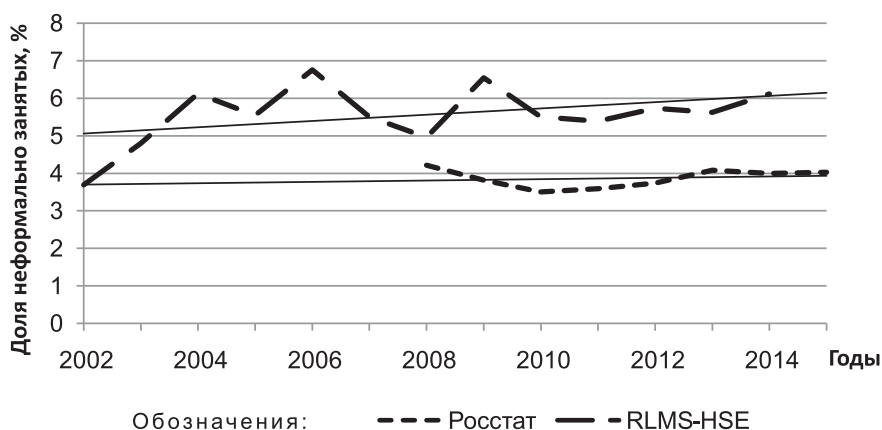

Рис. 2. Доля неформально занятых в общей численности занятых, Россия, %

Источники: Росстат: стат. сб. Обследование населения по проблемам занятости, 2001–2015. URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 (дата обращения: 28.07.2016); RLMS-HSE 2001–2014. URL: www.hse.ru/rlms/ (дата обращения: 28.07.2016).

Проведенный анализ критериев классификации неформально занятых, применяемых в научных исследованиях и официальной статистике, позволяет отметить

¹³ Федеральная служба государственной статистики (2010). Методологические положения по проведению выборочных обследований населения по проблемам занятости (обследований рабочей силы). Утверждены Приказом Федеральной службы государственной статистики от 21 декабря 2010 г. № 452. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/Untitled452-10.pdf (дата обращения: 20.07.2016).

два принципиальных момента: 1) как правило, эти критерии согласуются с двумя концептуальными подходами МОТ к определению неформальной занятости (т.е. на основе либо характеристик организации/предприятия, либо работы/рабочего места); 2) они адаптированы с учетом национальной специфики¹⁴ и доступных данных.

Вторая методологическая проблема анализа рисков распределения неформальной занятости предполагает определение набора факторов риска оказаться в состоянии неформальной занятости. В целом отметим, что результаты исследований показывают, что вероятность нахождения в статусе неформальной занятости зависит, в частности, от таких факторов, как пол, возраст, опыт работы, образование, место жительства (регион) [Zuo, 2013].

И, наконец, **третья** методологическая проблема связана с факторами выбора индивидом данного типа занятости, а также установлением характера выбора (добровольный или вынужденный).

Существование неформальной занятости объясняют сегодня в рамках двух основных научных теорий: о *сегментации рынка труда* и о *сравнительных преимуществах* [Guenther, Launov, 2012]. Одна из них предполагает, что неформальная занятость является результатом конкуренции на рынке труда, в результате которой часть индивидов оказывается вытесненной за рамки формальной занятости. В этом случае неформальная занятость имеет вынужденный характер для данных индивидов. Другая теория исходит из того, что индивиды могут иметь сравнительные преимущества от неформальной занятости относительно формальной. При этом неформальная занятость является их добровольным выбором (в том смысле, что индивид имеет реальную возможность выбора между формальной и неформальной занятостью и выбирает последнюю).

Таким образом, неформальная занятость может быть не делом случая, а результатом добровольного, осознанного и рационального выбора индивида [Гимпельсон, Капельюшников, 2013; Maloney, 2004]. Обладая набором определенных характеристик и предпочтений, индивид при выборе между формальной и неформальной занятостью стремится максимизировать свою общую полезность. Последняя включает не только заработную плату, но и гибкое время работы, характер занятости (например, дистанционный) и проч. Если полезность от неформальной занятости будет больше, то индивид предпочтет ее. Этот выбор приобретает особую актуальность в условиях, когда формальная занятость оказывается не в состоянии обеспечить ряд существенных социальных гарантий, которые традиционно ассоциируются с этим типом занятости.

Допущение о неслучайном отборе индивидов при осуществлении ими рационального выбора в пользу неформальной занятости может означать смещенный характер полученных оценок неформальной занятости. Например, если предположить, что в неформальной занятости оказываются те, кто склонен (в большей степени) к риску [Гимпельсон, Капельюшников, 2013, с. 79].

Таким образом, предпосылка о добровольном характере выбора неформальной занятости допускает альтернативную трактовку результатов соответствующе-

¹⁴ ILO (2013). Measuring informality: a statistical manual on the informal sector and informal employment / International Labour Office. Geneva: ILO, 2013. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_222979.pdf (accessed: 20.07.2016).

го ее анализа. А именно то, что индивид может быть не заинтересован в том, чтобы сменить неформальную занятость на формальную.

В целом исследования, проведенные на данных по другим странам, показывают, что неформальная занятость неоднородна [Guenther, Launov, 2012]. Здесь работают как те, кто не смог найти формальную занятость, так и те, кто добровольно сделал свой выбор в пользу неформальной занятости. Различно лишь соотношение этих сегментов.

Отталкиваясь от проведенного обзора, перейдем непосредственно к описанию данных и методов, а также результатов исследования по оценке рисков неформальной занятости в России.

2. Данные, методы и результаты исследования

Анализ неформальной занятости в настоящем исследовании основан на микроданных. Непосредственно для оценки рисков неформальной занятости в России использованы данные RLMS-HSE, которые собираются в ходе обследования, проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. Это ежегодный репрезентативный мониторинг домохозяйств и индивидов в режиме панели начиная с 1994 г. На сегодняшний день доступны являются базы девятнадцати волн.

Для анализа рисков неформальной занятости были выбраны два периода: 2009 г. (экономический кризис в острой фазе на рынке труда) и 2014 г. (фаза разворачивания новой финансово-экономической нестабильности в России). Этим периодам соответствуют 18-я волна RLMS-HSE, проводившаяся с октября по декабрь 2009 г., и 23-я волна — с октября 2014 по февраль 2015 г.¹⁵

К *занятым* отнесены респонденты, независимо от возраста, которые на момент проведения опроса имели работу (включая временно отсутствовавших на работе по причинам того, что находились в декретном отпуске или отпуске по уходу за ребенком до 3-х лет или ином оплачиваемом, а также неоплачиваемом отпуске). Таковых оказалось 4388 человек в 2009 г. и 5752 человек в 2014 г.

Среди занятых были выделены две непересекающиеся подгруппы неформально занятых по основному месту работы: в первую были включены индивиды, работавшие в корпоративном секторе, но без официального оформления (т.е. не работали по трудовой книжке, трудовому соглашению или контракту); во вторую — занятые в некорпоративном секторе (т.е. работавшие на частное лицо или занимавшиеся предпринимательством или индивидуальной трудовой деятельностью). Другими словами, в первом случае речь идет о *неформальной занятости*, во втором — о *занятости в неформальном секторе*. Применяемая классификация отражает в целом подходы МОТ, а также Росстата, отмеченные выше. К сожалению, данные RLMS-HSE не позволяют идентифицировать указанные группы в полной мере и точно¹⁶. В результате выборка неформально занятых составила 284 и 352 че-

¹⁵ Будем считать, что данные 23-й волны RLMS-HSE относятся к 2014 г.

¹⁶ Так, например, данные RLMS-HSE ограничивают возможность идентифицировать лиц, работающих без официального оформления вне корпоративного сектора. Сложности возникают при

ловека, а занятых в неформальном секторе — 380 и 617 человек для 2009 и 2014 гг. соответственно. Относительно общей численности занятых доли этих показателей составили: для неформально занятых — 6,5 и 6,1%; для занятых в неформальном секторе — 8,8 и 10,7%. Оставшаяся часть группы занятых после выделения из нее двух указанных подгрупп неформально занятых — это *формально занятые*. Для сравнения в табл. 1 приведены данные нашего исследования и Росстата по доле неформальной занятости в общей занятости за 2009 и 2014 гг.

Таблица 1. Доля неформальной занятости в России в общей занятости в 2009 и 2014 гг., %

Статистическая база данных	Неформальная занятость, %		Занятость в неформальном секторе, %	
	2009 г.	2014 г.	2009 г.	2014 г.
Росстат	3,8*	4,0*	19,3	20,1
RLMS-HSE	6,5*	6,1*	8,8*	10,7*

* Данные приведены по основному месту работы индивида.

Рассчитано по: Росстат: стат. сб. *Обследование населения по проблемам занятости*, 2010, 2015. URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 (дата обращения: 28.07.2016); RLMS-HSE, 2010, 2015. URL: www.hse.ru/rlms/ (дата обращения: 28.07.2016).

Расхождения в оценках уровня неформальной занятости между приведенными в табл. 1 данными Росстата и RLMS-HSE связаны с разными причинами. Так, для случая с занятостью в неформальном секторе расчеты по данным RLMS-HSE производились лишь по основному месту работы, в то время как Росстат учитывал как основную, так и дополнительную работу. Что касается неформальной занятости, то в анализе на базе RLMS-HSE были включены только индивиды, работавшие в корпоративном секторе, тогда как Росстат принимал во внимание всех работавших по найму.

Допуская возможность получения смещенных оценок при анализе неформальной занятости, о чем речь шла выше, в случае с *занятостью в неформальном секторе* были дополнительно выделены две подгруппы: а) лица, занимающиеся предпринимательством или индивидуальной трудовой деятельностью (самозанятые) (как группа, потенциально более склонная к риску, чем другие) и б) другие занятые в неформальном секторе.

В табл. 2 представлены средние значения некоторых переменных, позволяющие сопоставить основные характеристики групп (и подгрупп) неформально и формально занятых.

Данные табл. 2 позволяют выявить устойчивые отличия между формальной и неформальной группами занятых, а также между подгруппами последней. Так, обращает на себя внимание разница в среднем уровне *заработной платы*. При неформальной занятости он устойчиво ниже, чем при формальной. Исключением здесь является подгруппа неформалов, состоящая из индивидуальных предпринимателей и самозанятых, для которой характерен наибольший уровень заработной платы среди всех групп занятых.

идентификации групп занятых в неформальном секторе, таких как работающие в крестьянских (фермерских) хозяйствах.

Таблица 2. Средние значения выборочных характеристик групп занятых (неформально и формально) в России в 2009 и 2014 гг.

Критерий сравнения групп	Занятые неформально		Занятые в неформальном секторе				Занятые формально	
			Предприниматели и самозанятые		Другие занятые в неформальном секторе			
	2009 г.	2014 г.	2009 г.	2014 г.	2009 г.	2014 г.	2009 г.	2014 г.
Доля в общей численности занятых, %	6,5	6,1	2,5	3,0	6,1	7,8	84,9	83,2
Пол (ж = 1), %	47,9	42,3	49,5	41,5	52,8	39,9	56,7	55,5
Возраст*, лет	43,6	45,2	48,8	49,2	42,1	45,1	47,9	47,7
Образование*, лет	12,1	12,2	12,4	12,9	12,2	11,9	13,2	13,5
Образование (уровень), %								
Общее	24,6	25,6	17,1	20,4	15,1	30,7	12,6	12,8
Среднее профес- сиональное	63,0	59,4	59,5	51,5	66,2	57,8	57,1	51,1
Высшее	12,0	15,0	22,5	28,1	13,4	11,4	30,2	36,0
Семейное поло- жение (холост/ незамужем = 1), %	56,0	57,3	34,2	27,4	53,5	51,1	41,2	40,5
Национальность (нерусский = 1)	13,4	12,2	26,1	18,1	12,6	22,0	12,5	11,5
Наличие второй работы (есть = 1)	1,8	4,8	0,0	2,9	1,5	1,8	4,7	4,2
Получение пенсии (да = 1)	15,8	11,9	14,4	12,9	10,4	8,7	19,1	18,5
Стаж работы на текущем месте*, лет	3,2	3,6	9,0	9,1	3,8	5,6	9,4	9,3
Зар. плата (в мес.), тыс. руб.	12 562	20 192	16 160	33 469	10 005	18 636	13 052	22 302

Рассчитано по: RLMS-HSE. URL: www.hse.ru/rlms/ (дата обращения: 09.05.2016).

Примечание: * средневзвешенная арифметическая величина.

Что касается различий в уровне образования, то доля лиц с высшим образованием заметно меньше в неформальной занятости, чем в формальной. При этом в неформальной группе снова выделяются предприниматели и самозанятые как подгруппа с наиболее высокой концентрацией лиц с высшим образованием.

По критерию *возраст* тоже прослеживается определенная закономерность. Так, если из анализа снова исключить подгруппу индивидуальных предпринимателей и самозанятых, то средний возраст неформально занятых оказывается устойчиво ниже, чем в формальной группе. В свою очередь, подгруппа индивидуальных предпринимателей и самозанятых выделяется на фоне всех остальных групп как наиболее возрастная.

Интересно также отметить разницу между формальной и неформальной группами занятых по критерию *семейное положение*. Если исключить из анализа подгруппу индивидуальных предпринимателей и самозанятых, то окажется, что среди неформально занятых преобладают холостые/незамужние, а в формальной группе — лица, имеющие семьи. В свою очередь, подгруппа индивидуальных предпринимателей и самозанятых отличается от всех остальных групп тем, что доля женатых/замужних в ней наибольшая.

Наличие *второй работы* характерно для формальной группы занятых, а вот для неформальной группы это справедливо лишь отчасти.

Обращает на себя внимание еще одно отличие между группами формально и неформально занятых. Лица, получающие *пенсию*, заметно меньше вовлечены в неформальную занятость.

Особый интерес представляет вопрос о пропорциональности представительства *мужчин и женщин* в неформальной занятости¹⁷. Связано это с тем, что в некоторых исследованиях отмечаются особенности в распределении групп неформально занятых по гендерному признаку в разных группах стран [ILO, 2007]. Согласно данным табл. 1, если в 2009 г. диспропорции между полами в неформальной группе были незначительны, то в 2014 г. доля женщин в ней была существенно ниже. В формальной группе незначительное превосходство женщин по доли в занятости над мужчинами достаточно стабильно.

И, наконец, отметим еще одно различие между формальной и неформальной группами занятых, а именно: по *продолжительности работы на одном рабочем месте*. Дополнительно к соответствующим данным табл. 2 были проведены расчеты по доле занятых, сменивших работу в течение определенного временного периода. Так, в 2014 г. доля занятых, сменивших работу после 2009 г. (т. е. начиная с 2010 г.), составила: для формальной группы — 47%; для занятых неформально — 79%; для предпринимателей и самозанятых — 43%; для остальных занятых — 65%. Взяты вместе, эти показатели свидетельствуют о том, что для неформальной группы занятых (за исключением предпринимателей и самозанятых) характерны менее продолжительные периоды занятости на одном рабочем месте и более частая смена работы, чем для формальной группы.

Таким образом, проведенная сравнительная диагностика позволяет сделать вывод о наличии существенных устойчивых отличий между группами формально и неформально занятых. Отдельно можно говорить о неоднородности неформальной группы занятых, в которой по ряду характеристик выделяется подгруппа предпринимателей и самозанятых.

Теперь перейдем непосредственно к анализу рисков оказаться в состоянии неформальной занятости. Расчеты произведем для группы неформально занятых, подгруппы предпринимателей и самозанятых, а также подгруппы других занятых в неформальном секторе. Это позволит выявить (при наличии) особенности распределения рисков неформальной занятости в каждой из них.

Применяется подход Писсаридиса и Уодсворта [Pissarides, Wadsworth, 1992]. Логит-регрессия была использована для анализа зависимости качественной пере-

¹⁷ Результаты некоторых исследований указывают на разницу в уровнях риска неформальной занятости между гендерными группами, см.: [Kucera, Roncolato, 2008].

менной y , принимающей значение 1 для случая неформальной занятости (в разных формах) и 0 для другой (формальной) занятости. Логит-регрессия имеет форму:

$$\log it(p_{ij}) \equiv \ln \left(\frac{p_{ij}(y=1)}{1-p_{ij}(y=1)} \right) = \alpha + \beta X_i,$$

где β — это вектор коэффициентов, рассчитанных путем использования метода максимального правдоподобия; p — вероятность индивида i , обладающего набором характеристик (факторов риска) X_i , оказаться в состоянии j (т.е. неформальной занятости), которая может быть формализована следующим образом:

$$p_{ij}(y=1) = \frac{1}{1 + e^{-(\alpha + \beta X_i)}} = \frac{1}{1 + \exp(-(\alpha + \beta X_i))}.$$

В качестве факторов риска оказаться в состоянии неформальной занятости был выбран ряд переменных, характеризующих: а) *непосредственно индивидов* (пол, возраст, семейный статус, уровень образования, профессиональная группа, изменение места жительства (населенного пункта) за последние четыре года, получение пенсии); б) *окружающую среду* (место проживания — федеральный округ). Отдельные переменные могут быть отнесены к группам. Так, группа переменных, связанных с образованием, включает: общее, среднее профессиональное (Professional) и высшее (Higher) образование. Группа переменных, связанных с видами профессий по ISCO-88¹⁸, содержит профессиональные группы: неквалифицированные рабочие, квалифицированные рабочие ручного труда (Skilled manual), квалифицированные рабочие неручного труда (Skilled non manual), работники сферы услуг (Service), служащие офисные и по обслуживанию клиентов (Clerical), специалисты среднего уровня квалификации и чиновники (Specialist), специалисты высшего уровня квалификации (Professional), законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена (Executive). И, наконец, выделены следующие федеральные округа: Северо-Западный (СЗФО), Приволжский (ПФО), Дальневосточный (ДВ), Южный (ЮФО), Уральский (УФО), Сибирский (СФО) и Северо-Кавказский (СКФО).

Результаты регрессионного анализа представлены в табл.3. Положительная (отрицательная) оценка коэффициента при переменной говорит о том, что индивид с соответствующей характеристикой с большей (меньшей) вероятностью оказывается в состоянии неформальной занятости по сравнению с тем, у кого данная характеристика отсутствует, и при прочих равных¹⁹. Более высокий (низкий) коэффициент при переменной указывает на ее относительно более высокий (низкий) вклад в вероятность индивидов оказаться в неформальной занятости. При этом сопоставления оценок коэффициентов корректны только внутри отдельной группы/подгруппы или между одинаковыми группами/подгруппами.

Что касается возможности получения смещенных оценок при анализе неформальной занятости, отметим следующее. Допуская, что в случае занятости

¹⁸ ISCO-88. International Standard Codes of Occupations. Geneva: International Labour Office, 1988. URL: <http://www.ilo.org/public/english/bureau/stat/isco/isco88/index.htm> (accessed: 23.04.2016).

¹⁹ При этом содержательная интерпретация коэффициентов при переменных не имеет большого смысла.

Таблица 3. Уровень неформальной занятости в 2009 и 2014 гг. (логит-регрессия)
(0 = формально занятые)

Фактор риска (переменная)	Занятые неформально		Занятые в неформальном секторе			
			Предприниматели и самозанятые		Другие занятые в неформальном секторе	
	2009 г.	2014 г.	2009 г.	2014 г.	2009 г.	2014 г.
Количество наблюдений	3983	5106	3542	4667	3970	5185
Зависимая переменная	0,065	0,061	0,025	0,030	0,061	0,078
Точка пересечения	-1,862*	-1,709*	-5,781*	-5,372*	-2,837*	-2,101*
Женщины	-0,238*	-0,314*	0,025	-0,053	0,004	-0,431*
15–19 лет	0,929*	1,312*	empty	empty	1,624*	0,393
20–24 лет	0,339*	-0,157	-0,675*	-0,823*	0,493*	-0,394*
25–34 лет	0,126	-0,022	-0,363	-0,477*	0,601*	-0,007
50–64 лет	-0,297	-0,164	-0,507*	-0,412*	0,047	-0,246*
65–72 лет	0,207	0,259	-0,849	-0,352	-0,186	-0,833*
Холост/Не замужем	0,423*	0,621*	-0,056	-0,249	0,290*	0,451*
Нерусский по национальности	0,147	0,091	1,120*	0,517*	-0,010	0,345*
Переезд в другую местность за последние 4 года	0,584*	0,440*	-0,541	0,064	-0,104	0,267
Professional	-0,289*	-0,241*	-0,301	-0,494*	0,070	-0,577*
Higher	-0,542*	-0,379*	-0,470	-0,826*	-0,029	-1,154*
Skilled manual	0,001	-0,232	3,403*	3,458*	-0,220	0,246
Skilled n/manual	-0,687*	-0,626*	2,425*	3,225*	-0,494*	-0,229
Service	0,403*	-0,110	3,859*	3,351*	0,688*	0,688*
Clerical	-1,561*	-0,666*	empty	empty	-1,282*	-0,817*
Specialist	-0,882*	-1,305*	1,517	1,836*	-1,362*	-0,622*
Professional	-2,528*	-3,195*	1,422	2,591*	-2,490*	-1,259*
Executive	-1,595*	-2,311*	4,733*	4,635*	-1,566*	-1,191*
СЗФО	-0,402*	-0,088	-0,605*	-0,690*	-0,319	0,922*
ВФО	-0,417*	-0,055	-0,278	-0,249	0,521*	0,093
ДФО	-0,237*	-0,086	-0,428	-0,043	-0,477	1,277*
ЮФО	-0,334	-0,423*	0,433	0,434*	0,883*	0,759*
УФО	0,075	0,276	-1,045*	-1,016*	-0,199	0,296
СФО	0,240	0,091	0,203	-0,421	0,598*	0,539*
СКФО	0,168	0,267	-0,162	0,217	0,909*	1,933*
Получатель пенсии	0,122	-0,424*	0,046	-0,150	-0,243	-0,449*

Рассчитано по: RLMS-HSE. URL: www.hse.ru/rlms/ (дата обращения: 09.05.2016).

Примечания: 1. Зависимая переменная принимает значение 1 в случае, если респондент относится к неформально занятым, и 0, если он занят формально. Все переменные являются фиктивными (dummy). Оценки сделаны по отношению к базовому уровню (т.е. мужчины, 35–49 лет, женат/замужем, русский, не было изменения места жительства (населенного пункта) за последние четыре года, общее образование, неквалифицированные рабочие, Центральный ФО, не получает пенсию соответственно). 2. * — статистическая значимость на уровне p-value до 0,1.

в некорпоративном секторе они могут возникнуть, была специально выделена из этой подгруппы группа лиц, занимающаяся предпринимательством, или самозанятых (как группа лиц, потенциально более склонная к риску, чем другие группы). В случае с *работающими в корпоративном секторе, но без официального оформления*, например, о преобладании лиц, добровольно выбравших эту форму, не может идти речи. В анализируемых выборках доля не оформленных официально по вине (полностью или частично) работодателя составляла 74% в 2009 г. и 72% в 2014 г. Таким образом, говорить об исключительно добровольном характере выбора неформальной занятости в целом не приходится. Более того, можно ставить вопрос о преобладании вынужденного характера неформальной занятости (по крайней мере, в некоторых ее подгруппах).

Подробный анализ результатов регрессионного анализа, представленных в табл. 3, вряд ли уместен в формате настоящей статьи. Приведем лишь несколько примеров возможной трактовки данных таблицы. Так, согласно полученным результатам, молодежь в возрасте от 15 до 19 лет и в 2009, и в 2014 гг. имела наибольшую вероятность оказаться в группе занятых неформально (в нашем случае работать в корпоративном секторе без официального оформления), чем индивиды других возрастных групп. Или, например, в 2009 г., в период проявления острой фазы экономического кризиса на рынке труда, вероятность оказаться занятым в неформальном секторе в числе предпринимателей и самозанятых в Северо-Западном федеральном округе была выше, чем в Уральском, но ниже, чем в Центральном ФО.

Если принять во внимание только факторы со значимыми оценками коэффициентов, то общий вывод по данным табл. 3 может быть таким: оценки сопоставимых коэффициентов в 2009 и 2014 гг. имеют одинаковый знак (плюс или минус). Другими словами, есть группы лиц с определенными характеристиками, которые были стабильно подвержены относительно большему/меньшему риску оказаться в состоянии неформальной занятости в рассматриваемых периодах. При прочих равных, это, в частности, такие группы, как: 15–19 лет (по возрастному критерию); имеющие общее образование (по критерию образования); работающие в сфере услуг (по виду профессии); не имеющие семьи (по семейному статусу); проживающие в Северо-Кавказском ФО (по месту проживания).

Заключение

На основе регрессионного анализа микроданных по индивидам в статье дана оценка вероятности нахождения в состоянии неформальной занятости в зависимости от набора характеристик (факторов риска). Базой для исследования стали данные RLMS-HSE за 2009 и 2014 гг. По ряду характеристик (факторов риска) выявлены группы занятых, подверженные относительно большему риску оказаться в состоянии неформальной занятости, среди которых молодежь. Таким образом, установлена неравномерность распределения рисков неформальной занятости и подтверждена гипотеза о наличии специфических факторов, повышающих вероятность данной ситуации.

Эти основные выводы дополняют результаты сопоставления средних значений выборочных характеристик групп неформально и формально занятых. А именно то, что обнаружены систематические (устойчивые) отличия между данными группами, а также неоднородность внутри неформальной группы занятых. В послед-

нем случае по ряду характеристик выделяется подгруппа предпринимателей и самозанятых.

Было также показано, что решение о неформальной занятости не всегда имеет добровольный характер. Напротив, в большом количестве случаев в России она является вынужденной.

За рамками настоящего исследования остался анализ непосредственно вклада отдельно взятого фактора риска в разницу между уровнями неформальной занятости. Вероятно, изучение неформальной занятости следует продолжить на более длительных временных интервалах. Это позволит не только выявить возможные закономерности ее развития, но и, например, установить среднюю продолжительность неформальной занятости в России.

Общие выводы по результатам проведенного исследования о неоднородности группы неформально занятых и вынужденном характере такой занятости приводят к необходимости взвешенного подхода при принятии решений о регулировании и тем более о борьбе с неформальной занятостью (включая самозанятость). В противном случае есть риск получить эффекты, обратные ожидаемым.

Литература

- Аистов А. В., Ларин А. В., Леонова Л. А. Неформальная занятость и удовлетворенность жизнью: эмпирический анализ с учетом эндогенности // Прикладная эконометрика. 2012. № 2 (26). С. 17–36.
- Гимпельсон В., Капелюшников Р. Жить «в тени» или умереть «на свету»: неформальность на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2013. № 11. С. 65–88.
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. URL: file:///C:/Users/no/Downloads/0001201512310038.pdf (дата обращения: 22.04.2016).
- Ben Salem M., Bensidoun I. The heterogeneity of informal employment and segmentation in the Turkish labour market // Journal of the Asia Pacific Economy. 2012. Vol. 17. P. 578–592.
- Commander S., Isachenkova N., Rodionova Y. Informal employment dynamics in Ukraine: An analytical model of informality in transition economies // International Labour Review. 2013. Vol. 152. P. 445–467.
- Fiess N. M., Fugazza M., Maloney W. F. Informal self-vol. employment and macroeconomic fluctuations // Journal of Development Economics. 2010. Vol. 91. P. 211–226.
- Guenther I., Launov A. Informal employment in developing countries: Opportunity or last resort? // Journal of Development Economics. 2012. Vol. 97. P. 88–98.
- Perry G., Maloney W., Arias O. et al. Informality: exit and exclusion / The International Bank for Reconstruction and Development (The World Bank). Washington, 2007. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/6730/400080Informal101OFFICIAL0USE0ONLY1.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 23.04.2016).
- ILO (2007). Global Employment Trends for Women. Brief, March 2007. URL: http://www.ilo.org/empelm/pubs/WCMS_114287/lang-en/index.htm (accessed: 16.04.2016).
- Khamis M. A note on informality in the labor market. IZA DP N 4676 2009. URL: <http://ftp.iza.org/dp4676.pdf> (accessed: 03.02.2016).
- Kucera D., Roncolato L. Informal employment: Two contested policy issues // International Labour Review, 2008. Vol. 147. P. 321–348.
- Loayza N. V., Rigolini J. Informal Employment: Safety Net or Growth Engine? // World Development, 2011. Vol. 39. P. 1503–1515.
- Maloney W. F. Informality revisited // World Development. 2004. Vol. 32. P. 1159–1178.
- Nureev R., Akhmadeev D. Formal and Informal Employment as “Twins Brothers” // Modern Russian Practice: Terra Economicus. 2015. Vol. 13. P. 16–33.
- Pissarides C. A., Wadsworth J. “Unemployment Risks” // Understanding Unemployment / ed. by E. McLaughlin. London: Routledge, 1992. P. 58–79.
- Schneider F., Montenegro C. E., Buehn A. New Estimates for the Shadow Economies all over the World // International Economic Journal. 2010. Vol. 24. P. 443–461.

Williams C.C. Out of the shadows: Classifying economies by the extent and nature of employment in the informal economy // *International Labour Review*. 2015. Vol. 154. P. 331–351.

Zuo H. Formal and Informal Employment in China: Probability of Employment and Determinants of Monthly Wages // *Australian Economic Review*. 2013. Vol. 46. P. 405–423.

Для цитирования: Вередюк О. В. Неформальная занятость: структура и факторы риска в России // *Вестник СПбГУ. Серия 5. Экономика*. 2016. Вып. 4. С. 33–48. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2016.402.

References

- Aistov A. V., Larin A. V., Leonova L. A. Neformal'naia zaniatost' i udovletvorennost' zhizn'iu: empiricheskii analiz s uchetom endogennosti [Informal employment and life satisfaction: An empirical analysis based on endogeneity]. *Prikladnaia ekonometrika*, 2012, no. 2 (26), pp. 17–36. (In Russian)
- Gimpel'son V., Kapelyushnikov R. Zhit' "v teni" ili umeret' "na svetu": neformal'nost' na rossiiskom rynke truda [Live "in the shadow" or die "in the light": the informality in the Russian labour market]. *Voprosy Ehkonomiki*, 2013, no. 11, pp. 65–88. (In Russian)
- Strategiia natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 31 dekabria 2015 g. no. 683 [The National Security Strategy of the Russian Federation. Approved by Decree of the President of Russian Federation on December 31, 2015, no. 683]. Available at: file:///C:/Users/no/Downloads/0001201512310038.pdf (accessed: 22.04.2016). (In Russian)
- Ben Salem M., Bensidoun I. The heterogeneity of informal employment and segmentation in the Turkish labour market. *Journal of the Asia Pacific Economy*, 2012, vol. 17, pp. 578–592.
- Commander S., Isachenkova N., Rodionova Y. Informal employment dynamics in Ukraine: An analytical model of informality in transition economies. *International Labour Review*, 2013, vol. 152, pp. 445–467.
- Fiess N. M., Fugazza M., Maloney W. F. Informal self-vol. employment and macroeconomic fluctuations. *Journal of Development Economics*, 2010, vol. 91, pp. 211–226.
- Guenther I., Launov A. Informal employment in developing countries: Opportunity or last resort? *Journal of Development Economics*, 2012, vol. 97, pp. 88–98.
- Perry G., Maloney W., Arias O. et al. *Informality: exit and exclusion*. The International Bank for Reconstruction and Development (The World Bank). Washington, 2007. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/6730/400080Informal101OFFICIAL0USE0ONLY1.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 23.04.2016).
- ILO (2007). *Global Employment Trends for Women*. Brief, March 2007. Available at: http://www.ilo.org/empelm/pubs/WCMS_114287/lang-en/index.htm (accessed: 16.04.2016).
- Khamis M. *A note on informality in the labor market*. IZA DP N 4676 2009. Available at: <http://ftp.iza.org/dp4676.pdf> (accessed: 03.02.2016).
- Kucera D., Roncolato L. Informal employment: Two contested policy issues. *International Labour Review*, 2008, vol. 147, pp. 321–348.
- Loayza N. V., Rigolini J. Informal Employment: Safety Net or Growth Engine? *World Development*, 2011, vol. 39, pp. 1503–1515.
- Maloney W. F. Informality revisited. *World Development*, 2004, vol. 32, pp. 1159–1178.
- Nureev R., Akhmadeev D. Formal and Informal Employment as "Twins Brothers". *Modern Russian Practice: Terra Economicus*, 2015, vol. 13, pp. 16–33.
- Pissarides C. A., Wadsworth J. Unemployment Risks. *Understanding Unemployment*. Ed. by E. McLaughlin. London, Routledge, 1992, pp. 58–79.
- Schneider F., Montenegro C. E., Buehn A. New Estimates for the Shadow Economies all over the World. *International Economic Journal*, 2010, vol. 24, pp. 443–461.
- Williams C.C. Out of the shadows: Classifying economies by the extent and nature of employment in the informal economy. *International Labour Review*, 2015, vol. 154, pp. 331–351.
- Zuo H. Formal and Informal Employment in China: Probability of Employment and Determinants of Monthly Wages. *Australian Economic Review*, 2013, vol. 46, pp. 405–423.

For citation: Veredyuk O. V. Informal employment: structure and risk determinants in Russia. *Vestnik SPbSU. Series 5. Economics*, 2016, issue 4, pp. 33–48. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2016.402.

Статья поступила в редакцию 26 мая 2016 г.

Статья рекомендована в печать 13 октября 2016 г.